

Содержание

ФОЛИО КЛУБ. <i>Перевод З. Александровой</i>	3
ГЕРЦОГ ДЕ Л'ОМЛЕТ. <i>Перевод З. Александровой</i>	7
НА СТЕНАХ ИЕРУСАЛИМСКИХ. <i>Перевод З. Александровой</i>	14
БОН-БОН. <i>Перевод М. Энгельгардта</i>	20
СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОСТИ. <i>Перевод В. Рогова</i>	44
ТЕНЬ. <i>Перевод В. Рогова</i>	53
КАК ПИСАТЬ РАССКАЗ ДЛЯ «БЛЭКВУДА» . <i>Перевод З. Александровой</i>	57
ТРАГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. <i>Перевод З. Александровой</i>	73
ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ИЗРУБИЛИ В КУСКИ. <i>Перевод Н. Демуровой</i>	87
РАЗГОВОР ЭЙРОС И ХАРМИОНЫ. <i>Перевод В. Рогова</i>	103
НЕ ЗАКЛАДЫВАЙ ЧЕРТУ СВОЕЙ ГОЛОВЫ. <i>Перевод Н. Демуровой</i>	112
ЭЛЕОНОРА. <i>Перевод Н. Демуровой</i>	127
ТРИ ВОСКРЕСЕНЬЯ НА ОДНОЙ НЕДЕЛЕ. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	136

ПОМЕСТЬЕ АРНГЕЙМ. <i>Перевод В. Рогова</i>	148
ОЧКИ. <i>Перевод З. Александровой</i>	173
ПОВЕСТЬ КРУТЫХ ГОР. <i>Перевод И. Гуровой</i>	210
ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	228
МЕСМЕРИЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ. <i>Перевод В. Неделина</i>	249
ПРОДОЛГОВАТЫЙ ЯЩИК. <i>Перевод И. Гуровой</i>	268
ЛОСЬ. <i>Перевод З. Александровой</i>	288
ТЫСЯЧА ВТОРАЯ СКАЗКА ШЕХЕРЕЗАДЫ. <i>Перевод З. Александровой</i>	295
СИЛА СЛОВ. <i>Перевод В. Рогова</i>	322
СИСТЕМА ДОКТОРА ДЕГОТ И ПРОФЕССОРА ПЕРЬЕ. <i>Перевод М. Энгельгардта</i>	329
MELLONTA TAUTA. <i>Перевод З. Александровой</i>	355
ФОН КЕМПЕЛЕН И ЕГО ОТКРЫТИЕ. <i>Перевод Н. Демуровой</i>	378
ДОМИК ЛЭНДОРА. <i>Перевод В. Рогова</i>	391
[МАЯК]. <i>Перевод З. Александровой</i>	410

ФОЛИО КЛУБ¹

Тут хитрость в духе Макьявелли —
Ее не все понять сумели².

Батлер

Должен с сожалением сказать, что Фолио Клуб — не более как скопище скудоумия. Считаю также, что члены его столь же уродливы, сколь глупы. Полагаю, что они твердо решили уничтожить литературу, ниспровергнуть Прессу и свергнуть Правительство Имен Собственных и Местоимений. Таково мое личное мнение, которое я сейчас осмеливаюсь огласить.

А между тем, когда я, всего какую-нибудь неделю назад, вступал в это дьявольское объединение, никто не испытывал к нему более глубокого восхищения и уважения, чем я. Отчего в моих чувствах произошла перемена, станет вполне ясно из дальнейшего. Одновременно я намерен

---

¹ © Перевод. З. Александрова.

² Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихотворные переводы В. В. Рогова.

реабилитировать собственную личность и достоинство Литературы.

Обратившись к протоколам, я установил, что Фолио Клуб был основан как таковой — дня — месяца — года. Я люблю начинать с начала и питаю особое пристрастие к датам. Согласно одному из пунктов принятого в ту пору Устава, членами Клуба могли быть только лица образованные и остроумные; а признанной целью их союза было «просвещение общества и собственное развлечение». Ради этой последней цели на дому у одного из членов клуба ежемесячно проводится собрание, куда каждый обязан принести сочиненный им самим Короткий Рассказ в Прозе. Каждое такое сочинение читается автором перед собравшимися за стаканом вина, после обеда. Все, разумеется, соперничают друг с другом, тем более что автор «Лучшего Рассказа» становится *pro tem*¹. Председателем Клуба; должность эта весьма почетна, почти не сопряжена с расходами и сохраняется за занимающим ее лицом, пока его не вытеснит еще лучший рассказчик. И наоборот, автор рассказа, признанного худшим, обязан оплатить обед и вино на следующем очередном собрании общества. Это оказалось отличным способом привлекать время от времени новых членов вместо какого-нибудь несчастливца, который, проиграв такое угощение

---

¹ Временно (*лат.*).

два-три раза подряд, натурально отказывался и от «высокой чести», и от членства. Число членов Клуба не должно превышать одиннадцати. На это имеется ряд основательных причин, которые нет надобности излагать, но о которых догадается всякий мыслящий человек. Одна из них состоит в том, что первого апреля, в год триста пятидесятый перед Потопом, на солнце, как говорят, было ровно одиннадцать пятен. Читатель заметит, что в этом кратком очерке истории Общества я не даю воли своему негодованию и пишу с редким беспристрастием и терпимостью. Для *exposé*¹, которое я намерен сделать, достаточно привести протокол собрания Клуба от прошлого вторника, когда я дебютировал в качестве члена этого общества, будучи избран вместо достопочтенного Огастеса Зачерктона, вышедшего из его состава.

В пять часов пополудни я, как было условлено, явился к мистеру Руж-э-Нуар, почитателю леди Морган, признанному в предыдущем месяце автором худшего рассказа. Я застал собравшихся уже в столовой и должен признать, что яркий огонь камина, комфортабельная обстановка комнаты и отлично сервированный стол, равно как и достаточная уверенность в своих способностях, настроили меня весьма приятно. Я был встречен с большим радушием и пообедал, крайне доволь-

---

¹ Сообщения (*франц.*).

ный вступлением в общество столь знающих людей.

Членами его были большей частью очень примечательные личности. Это был прежде всего мистер Щелк, председатель, чрезвычайно худой человек с крючковатым носом, бывший сотрудник «Обозрения для глупцов».

Был там также мистер Конволвулус Гондола, молодой человек, объездивший много стран.

Был Де Рерум Натура, эсквайр, носивший какие-то необыкновенные зеленые очки. Был очень маленький человечек в черном сюртуке, с черными глазами.

Был мистер Соломон Гольфштрем, удивительно похожий на рыбу. Был мистер Оррибиле Дикту, с белыми ресницами и дипломом Геттингенского университета.

Был мистер Блэквуд Блэквуд, написавший ряд статей для иностранных журналов. Был хозяин дома, мистер Руж-э-Нуар, поклонник леди Морган. Был некий толстый джентльмен, восхищавшийся Вальтером Скоттом.

Был еще Хронологос Хронолог, почитатель Хорейса Смита, обладатель большого носа, побывавшего в Малой Азии.

Когда убрали со стола, мистер Щелк сказал, обращаясь ко мне: «Полагаю, сэр, что едва ли есть надобность знакомить вас с правилами Клуба. Вам, я думаю, известно, что мы стремимся просвещать общество и развлекать самих себя.

Сегодня, однако, мы ставим себе лишь эту вторую цель и ждем, чтобы и вы внесли свой вклад. А сейчас я приступлю к делу». Тут мистер Щелк, отставив от себя бутылку, достал рукопись и прочел следующее.

ГЕРЦОГ ДЕ Л'ОМЛЕТ¹

И вмиг попал он в климат попрохладней.

Каупер

Китс умер от рецензии. А кто это умер от «Андромахи»? Ничтожные душонки! Де л'Омлет погиб от ортолана. L'histoire en est brève². Дух Апиция, помоги мне!

Из далекого родного Перу маленький крылатый путешественник, влюбленный и томный, был доставлен в золотой клетке на Шоссе д'Антен. Шесть пэров империи передавали счастливую птицу от ее царственной владелицы, Ла Беллиссимы, герцогу де л'Омлету.

В тот вечер герцогу предстояло ужинать одному. Уединившись в своем кабинете, он полулежал на оттоманке — на той самой, ради которой он нарушил верность своему королю, отбив ее у него на аукционе, — на пресловутой оттоманке Cadêt.

---

¹ © Перевод. З. Александрова.

² Повесть об этом короткая (*франц.*).

Он погружает лицо в подушки. Часы бьют! Не в силах далее сдерживаться, его светлость проглатывает оливку. Под звуки пленительной музыки дверь тихо растворяется, и нежнейшая из птиц предстает перед влюбленным из людей. Но отчего на лице герцога отражается такой ужас?

— Horreur! — chien! — Baptiste! — l'oiseau! ah, bon Dieu! Cet oiseau modeste que tu es déshabillé de ses plumes, et que tu as servi sans papier!¹ Надо ли говорить подробнее? Герцог умирает в пароксизме отвращения.

* * *

— Ха-ха-ха! — произнес его светлость на третий день после своей кончины.

— Хи-хи-хи! — негромко откликнулся Дьявол, выпрямляясь с *надменным* видом.

— Вы, разумеется, шутите, — сказал де л'Омлет. — Я грешил — *c'est vrai*², — но рассудите, дорогой сэр, — не станете же вы приводить в исполнение столь варварские угрозы!

— Чегой-то? — переспросил его величество. — А ну-ка, раздевайся, да поживее!

— Раздеться? Ну, признаюсь! Нет, сэр, я *не* сделаю ничего подобного. Кто вы такой, чтобы я, герцог де л'Омлет, князь де Паштет, совершен-

---

¹ Ужас! — собака! — Батист! — птица, о боже! Эта скромная птица, с которой ты снял перья и которую подаешь без бумажной обертки! (*франц.*).

² Это правда (*франц.*).

нолетний, автор «Мазуркиады» и член Академии, снял по вашему приказу лучшие панталоны работы Бурдона, самый элегантный robe-de-chambre¹, когда-либо сшитый Ромбером, — не говоря уж о том, что придется еще снимать и папильотки и перчатки...

— Кто я такой? Изволь. Я — Вельзевул, повелитель мух. Я только что вынул тебя из гроба розового дерева, отделанного слоновой костью. Ты был как-то странно надушен, а поименован согласно накладной. Тебя прислал Белиал, мой смотритель кладбищ. Вместо панталон, сшитых Бурдоном, на тебе пара отличных полотняных кальсон, а твой robe-de-chambre просто саван изрядных размеров.

— Сэр! — ответил герцог, — меня нельзя оскорблять безнаказанно. Сэр! Я не премину расчитаться с вами за эту обиду. О своих намерениях я вас извещу, а пока, au revoir²! — и герцог собирался уже откланяться его сатанинскому величеству, но один из придворных вернул его назад. Тут его светлость протер глаза, зевнул, пожал плечами и задумался. Убедившись, что все это происходит именно с ним, он бросил взгляд вокруг.

Апартаменты были великолепны. Даже де л'Омлет признал их bien comme il faut³. Они поражали не столько длиной и шириной, сколько

---

¹ Халат (франц.).

² До свидания (франц.).

³ Очень приличными (франц.).

высотой. Потолка не было — нет, — вместо него клубилась плотная масса огненных облаков. При взгляде вверх у его светлости закружилась голова. Оттуда спускалась цепь из неведомого кроваво-красного металла; верхний конец ее, подобно городу Бостону, терялся parmi les nues¹. К нижнему был подвешен большой светильник. Герцог узнал в нем рубин; но он изливал такой яркий и страшный свет, какому никогда не поклонялась Персия, какого не воображал себе гебр, и ни один мусульманин, когда, опьяненный опиумом, склонялся на ложе из маков, оборотясь спиной к цветам, а лицом к Аполлону. Герцог пробормотал проклятие, выражавшее явное одобрение.

Углы зала закруглялись, образуя ниши. В трех из них помещались гигантские изваяния. Их красота была греческой, уродливость — египетской, их tout ensemble² — чисто французским. Статуя, занимавшая четвертую нишу, была закрыта покрывалом; ее размеры были значительно *меньше*. Но видна была тонкая лодыжка и ступня, обутая в сандалию. Де л'Омлет прижал руку к сердцу, закрыл глаза, открыл их и увидел, что его сатанинское величество покраснел.

А картины! Киприда! Астарта! Ашторет! Их тысяча, и все это — одно. И Рафаэль видел их! Да, Рафаэль побывал здесь; разве не он написал...

---

¹ В облаках (франц.).

² Общий вид (франц.).

и разве не тем погубил свою душу? Картины! Картины! О роскошь, о любовь! Кто, увидев эту запретную красоту, заметил бы изящные золотые рамы, сверкавшие точно звезды на стенах из гиацинта и порфира?

Но у герцога замирает сердце. Не подумайте, что он ошеломлен роскошью или одурманен сладострастным дыханием бесчисленных курильниц. *C'est vrai que de toutes ces choses il a pensé beaucoup — mais!*¹ Герцог де л'Омлет поражен ужасом; ибо сквозь единственное незанавешенное окно он видит пламя самого страшного из всех огней!

*Le pauvre Duc!*² Ему кажется, что звуки, которые непрерывно проникают в зал через эти волшебные окна, превращающие их в сладостную музыку, — не что иное, как стоны и завывания казнимых грешников. А там? — Вон там, на той оттоманке? — *Кто* он? Этот *petit-maître*³ — нет, божество — недвижимый, словно мраморная статуя, — и такой бледный — *et qui sourit, si amèrement*⁴?

*Mais il fait agir*⁵ — то есть француз никогда не падает сразу в обморок. К тому же его светлость ненавидит сцены; и де л'Омлет овладевает собой. На столе лежит несколько рапир, в том

---

¹ Правда, обо всех этих вещах он много думал — но! (франц.)

² Бедный герцог! (франц.)

³ Щеголь (франц.).

⁴ Который улыбается так горько (франц.).

⁵ Но надо действовать (франц.).